

РОЗДІЛ 3

Публіцистика. Статті М. Я. Грота в газеті «Одесский вестник»

Одеський період наукових пошуків М. Я. Грота був поворотним у його світогляді. Натхненний допитливими і вимогливими учнями, він постійно перебував у пошуках істини. Про плідність цього етапу в житті професора М. Я. Грота свідчать важливі, значною мірою, порубіжні, праці вченого, до яких відносяться і його публіцистичні праці.

Для передруку деяких публіцистичних робіт М. Я. Грота обрані чотири статті, опубліковані в газеті «Одесский вестник» під час перебування його в Одесі. Обставини написання статей детально висвітлені [М. О. Подрезовою] в 2-му розділі першої частини.

Перші дві статті із передрукованих¹ можна умовно поєднати за тематикою, яка стосується дуже поширеного у періодичних виданнях XIX століття способу наукової комунікації як «відповіді на заперечення». Цей спосіб надавав реальну можливість обміну науковими здобутками в пошуку істини. Полеміка М. Я. Грота з М. І. Карєєвим² почалася на вступній лекції М. Я. Грота «Опыт нового определения понятия прогресса» в Новоросійському університеті³. Вона стала відгуком на працю

¹ Грот Н. Я. Ещё о субъективизме в социологии : возражение проф. Н. Карееву // Одес. вестн. 1884. 21 февр. (№ 41) ; Грот Н. Я. Ещё несколько соображений о задачах социологии и о научном анализе понятия «прогресс» // Там само. 1884. 6 марта (№ 52).

² Карєєв Микола Іванович (1850 – 1931) – видатний російський вчений-історик і соціолог, найбільший представник класичного позитивізму в соціології, один із засновників вітчизняної соціології. У 1873 р. закінчив Московський університет. У 1879-1884 рр. був професором Варшавського, а потім Петербурзького університетів. З 1910 р – чл.-кор. Російської академії, з 1929 р. – почесний член АН СРСР. У 1870-х рр. написав свою кращу працю «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (1879). Карєєв закріпив за російською наукою пріоритет в області конкретного вивчення селянського питання напередодні і в період Великої Французької революції.

³ Грот Н. Я. Опыт нового определения понятия прогресса : вступ. лекция, чит. в Новорос. ун-те 1 дек. 1883 г. // Одес. листок. 1883. 3 дек. (№ 266) ; 6 дек. (№ 268) ; Те ж саме. Одесса : тип. «Одес. листка», 1883. 21 с.

професора Варшавського університету М. І. Карєєва «Основные вопросы философии истории»¹, яка викликала у періодичній пресі того часу низку критичних статей. У числі авторів полімічних статей і рецензій, поряд з М. Я. Гротом, були: Л. З. Слонімський, Б. П. Онгірський (псевд. Б. Ленський), Ельпе, Гольцев та ін.².

Відповідями на критику М. Я. Грота були статті М. І. Карєєва, надруковані в журналі «Юридический вестник»³. Переглянувши зроблені йому заперечення, М. І. Карєєв випустив у світ спільну відповідь своїм опонентам у книзі «Моим критикам»⁴, в якій, в тому числі, на с. 35-41 узагальнив свої заперечення проф. М. Я. Гроту.

Враховуючи те, що думки проф. М. Я. Грота в його полеміці з проф. М. І. Карєєвим менш відомі науковим колам, тому що друкувалися як окремі статті в регіональній газеті «Одесский вестник», ми прийняли рішення надати можливість фахівцям більш широко познайомитися з цими публікаціями.

Ще дві з передрукованих праць М. Я. Грота⁵ теж можна вважати загальними за тематикою. По суті, обидві статті є науковою інтерпретацією повідомлень, отриманих із статей з французького журналу «*Revue philosophique de la France et de l'Etranger*». Вони є трактуванням одного з найважливіших постулатів експериментальної психології, а саме, найтіснішого зв'язку душевної діяльності людини з діяльністю і станом мозку і нервової системи. Виступаючи, як істинний популяризатор науки, М. Я. Грот намагався донести ці важливі наукові висновки до широкого кола читачів через публікації в одеській періодичній пресі. Ці роботи М. Я. Грота ніде більше не перевидавалися, тому вважаємо своїм обов'язком донести до фахівців праці, що стали бібліографічною рідкістю.

¹ Карєєв Н. И. Основные вопросы философии истории. Т. 1 – 2. М., 1883.

² Слонимський Леонід-Людвиг Зиновійович (1850—1918) – російський публіцист; Онгірський Б. П. (псевд. Б. Ленський) – соціолог і публіцист, співробітник «Дела» і «Слова» 1870-х і 1880-х рр. ; Попов Лазарь Константинович (1851 - ?) відомий під псевд. Ельпе – рос. письменник; Гольцев Віктор Олександрович (1850 – 1906) – журналіст.

³ Карєєв Н. К вопросу о роли субъективного элемента в социальных науках // Юрид. вестн. 1884. Февр. С. 351-358 ; Карєєв Н. Социология и социальная этика : возражения проф. Н. Гроту // Там само. 1884. Апр. С. 753-758.

⁴ Карєєв Н. И. Моим критикам. Варшава, 1884. 84 с.

⁵ Грот Н. Я. Замечательный пример множественности состояний сознания у одного и того же субъекта // Одес. вестн. 1886. 24 янв. (№ 22) (Из мира науки) ; Грот Н. Я. Об изменениях в сознании личности // Там само. 30 янв. (№ 28).

3. 1. Ещё о субъективизме в социологии: возражение профессору Н. Карееву¹

Du choc des opinions jaillit la verite [1].

Возражения мои против субъективизма в **социологии**, представленные **мною** во вступительной лекции в Новоросс. университете (Опыт нового определения прогресса. Одесса, **1883**) вызвали ряд замечаний со стороны защитника этого субъективизма, профессора Варшавского университета Н. Кареева. Замечания эти чрезвычайно ясно охарактеризовали **для** меня главные особенности воззрений моего уважаемого противника на метод **социальных** наук. Из них я усматриваю, что **взгляды** наши на этот предмет гораздо ближе, чем я прежде предполагал, и что разногласие наше скорее состоит в различном понимании термина «субъективизм», чем в действительных приемах анализа таких понятий, как понятие прогресса. Поэтому я предвижу в будущем возможность более тесного соглашения между мною и проф. Кареевым и, вследствие этого, попытаюсь точнее разъяснить мелкие разноречия, которые пока препятствуют такому соглашению.

Начну с вопроса о значении, которое я даю термину «субъективизм». Контраст понятий «субъективного» и «объективного» является одним из наиболее сбивчивых **и условных**. Более точное определение признаков этих противоположных понятий принадлежит всецело психологии. В последнее время в своих психологических трудах я старался научно обосновать этот контраст помощью теории «психического оборота». Первое и наиболее подробное изложение этой теории я дал в своей «Психологии чувствований» (С.-Пет. 1880). Сущность этой теории состоит в том, что она в анализе психических явлений выходит из **понятия** психического взаимодействия организма со средою, поставленного в связь с биологическими воззрениями нашего времени². Психическое существование организма, с этой точки зрения, складывается из момента восприятия действий среды на организм и момента ответного действия организма, которые постоянно сменяют друг друга и смена которых, насколько она отражается в явлениях сознания, и составляет «психический оборот». Момент восприятия распадается в частности на момент объективного восприятия (ощущение, идея) и момент субъективного воспри-

¹ См. заметку проф. Кареева в «Юридическом вестнике» (февраль, 1884), под заглавием: «К вопросу о роли субъективного элемента в социальных науках» (стр. 351-358).

² Весьма сходную теорию психического взаимодействия дает в своем сочинении «Человеческая воля с точки зрения новейшей теории развития» немецкий ученый Шнейдер, причем понятию «психич. оборота» соответствует у него понятие «психического рефлекса».

яття, являючогося продуктом суб'єктивної оцінки першого (чуттєвості, чутство). Момент дійства свідомості розпадається на те жє моменти, но в зворотній послідовності: продуктом суб'єктивного сприйняття являється суб'єктивне дійство (стремління, бажання), результатом суб'єктивного дійства – дійство об'єктивне (рух, дійство в собств. смислі). Отсюда ясно, що сприйняття і ідея, рух і дійство свідомості стосуються к сфері явлєній «об'єктивних», – чуттєвості і чутство, стремління і бажання к сфері явлєній «суб'єктивних». Но, як я уже не раз указывал¹ и, як доводить и фізіологія організму, об'єктивні процеси сприйняття і дійства складаються знов з двох моментів, – в тесном смислі слова *фізіологічного* или «периферического» и *психо-фізіологічного* или «центрального». Сприняття и рух (імпульс волі, в отличие от простого стремління или бажання) в *психологічєском* смислі суть явлєнія «центрального», которые отличаются от возбуждения органа ощущения и от мускульного движения, с ними связанных, как явлєній «периферических». Так как эти возбуждения периферии и мускульные движения и составляют основу взаимодействия организма со средою, т. е. с *объектами*, в собственном смисле слова, то можно назвать эти моменты «психо-фізіологічного» взаимодействия организма со средою «об'єктивными» и, с этой точки зрения, противополжитим им все «центральные» явлєнія, т. е. явлєнія свідомості, или «психические» в тесном смислі, как «суб'єктивные». Поэтому-то многие психологи называют и сприйняття, и мышлєніє, и даже познание вообще, «суб'єктивными» процессами.

Вообще, если исходить из широкого понятия «психо-фізіологічного» взаимодействия организма со средою, то «суб'єктивными» представляются *все* явлєнія свідомості или центральные моменты этого взаимодействия, в противоположность периферическим, как «об'єктивным». Если же исходить из более узкого понятия «психического» взаимодействия, т. е. собственно взаимодействия психических центров с периферией, как заместительницей «внешней среды», как посредницей между центрами и этой средою, то «суб'єктивными» моментами такого «психического» взаимодействия окажутся лишь чувства и стремлєнія, «об'єктивными» – идеи и дійства, как выражения непосредственного взаимодействия свідомості с периферией организма и, чрез нее, со средою. Но при этом не должно упускать из виду, что первое из двух возможных противополжений «об'єктивного» и «суб'єктивного» будет так сказать *біологічєское*, т. е. будет основано на біологічєском противополжении организма вообще – среде, второе будет собственно *психологічєское*, основанное на психологічєском противополжении свідомості – «не свідоманію», психического субъекта – его объекту. А отсюда уже само собою вытекает, что когда речь идет об анализе какой-нибудь *психической* де-

¹ Ср. статью: «Еще по поводу вопроса о психологии чувствований». Киев, 1881.

тельности, например *познавательной* (как в вопросе о методах науки), то мы вправе понимать термины «субъективного» и «объективного» только во втором, *психологическом* значении. С этой точки зрения субъективными «явлениями» сознания, как мы видели, оказываются только чувства и явления воли (желания, хотения), – субъективным «отношением» нашего сознания к чему-либо только то отношение, которое основано на оценке этих явлений с точки зрения чувства.

Но чтобы понять вполне психологическое значение терминов «субъективного» и «объективного», сказанного до сих пор еще недостаточно. Ощущения и идеи, а следовательно и начинающиеся с них психические обороты, могут быть двоякого происхождения – *внешнего* или *внутреннего*: ощущение зрения есть ощущение внешнее, ощущение мышечное есть ощущение внутреннее или органическое, – из ощущений того и другого порядка развиваются различного рода идеи. В числе внутренних ощущений важную роль играют интеллектуальные и вообще психические ощущения, т. е. ощущения наших собственных умственных процессов и процессов сознания вообще. Локк называл эти ощущения «рефлексией», – «субъективные формы познания» Канта сводятся к восприятиям и идеям, развивающимся на почве этих ощущений. Здравый смысл называет совокупность этих ощущений и вырабатывающихся из них идей «самосознанием» человека, наука называет процесс мышления, основанный на этих ощущениях и идеях, «самонаблюдением», а всю совокупность их «внутренним опытом». На систематической переработке этих идей главным образом основан «психологический анализ»¹. Но так как эти внутренние ощущения в своем развитии отстают от ощущений внешних, то и идеи, из них вырабатывающиеся, теснее сплетаются в сознании человека с его чувствами, т. е. с *субъективными* элементами его сознания, чем идеи внешнего происхождения, поэтому «внутренний опыт», «самонаблюдение», «психологический анализ» долгое время признавались субъективными, т. е. носящими на себе печать «субъективности», почему они и противоплагались «внешнему опыту», «внешнему наблюдению», «физическому анализу», как вполне «объективным» приемам познания. Но тут вкралось недоразумение: случайная примесь явлений признавались их главной основой; за «чувствованиями» внутреннего происхождения не замечались слитые с ними внутренние «ощущения», способные впоследствии, помощью процесса дифференциации, выделиться в самостоятельную группу явлений и стать основой совершенно *объективного* внутреннего опыта. Не замечалось также и то, что и внешние ощущения, на низшей ступени развития, как вполне признано современной психологией (ср. Schneider. *Der menschliche Wille*. 1882 г. : понятие *Empfindungsgefühle* и Horwicz. *Psychol. Analysen*. 1872. В. I), тоже еще не вполне дифферен-

¹ Подробное развитие этой теории внутренней восприимчивости читатель найдет в моем сочинении «К вопросу о реформе логики» (1882).

цированы от чувствований внешнего происхождения, вследствие чего и знания, основанные на внешнем опыте, во время [этого] носили совершенно субъективный отпечаток¹. Вообще понятия внутреннего опыта и «субъективного» метода познания без достаточного основания считались в свое время в такой же степени тождественными, как понятия внешнего опыта и «объективного» метода познания. Это подавало и подает еще повод к целому ряду недоразумений. Я думаю, напр., что и Конт оттого только отрицал самостоятельное значение *психологии*, что неправильно отождествлял понятия метода «субъективного» и метода «самонаблюдения», разумея однако же под субъективным познанием познание относительное, руководимое субъективными чувствами и желаниями человека и потому недостоверное. Если-бы он сознавал различие субъективного метода *мышления*, как метода чувства, от объективного метода *познания*, основанного на «внутреннем» опыте, т. е. на объективных внутренних ощущениях, то он бы не сделал упомянутой ошибки. Таким образом и отождествление внутреннего, так сказать, «интроспективного» метода познания (в противоположность «экстроспективному» или внешнему) с понятием метода «субъективного» также неправильно, с *психологической* точки зрения, как и отождествления всех психических состояний, а следовательно и ощущений и идей внешнего происхождения, с понятием состояний «субъективных».

«Субъективными» явлениями сознания в психологическом значении этого слова можно считать только чувствования, чувства, стремления и желания. «Субъективным» отношением к чему-либо только отношение, диктуемое чувствами, т. е. субъективною оценкою тех или других явлений опыта. «Субъективным» методом мышления только такой метод построения идей, который основан не на объективном содержании ощущений и идей, внешнего или внутреннего происхождения, а на воздействии *чувств и стремлений*.

Но если так, то всякое *познание* может быть лишь *объективно*. *Наука* может быть тоже лишь продуктом объективного опыта (внешнего или внутреннего) и объективного мышления. *Субъективное мышление* не есть «познание» в собственном смысле слова, а есть *построение*, есть та умственная деятельность, которая называется *воображением* и которая лежит в основе всякого *искусства* и, между прочим, того высшего отвлеченного искусства, которое называется *философией*.

Таково мое мировоззрение и я, подобно всякому человеку мыслящему, не смотря на негодование некоторых «обыкновенных читателей» (см. «Дело») и газетных «фельетонистов», признаю себя имеющим все права на такое *самостоятельное* мировоззрение.

¹ Напр. и астрономические знания в древнее время (вопреки мнению проф. Кареева) отнюдь не были чужды субъективного отпечатка и строились тоже на субъективном «отношении» людей к явлениям «космическим».

С точки зрения этого мировоззрения, я устанавливаю строгое различие между *наукой*, основанной на объективном *исследовании* действительности, и *искусством*, строящим образы и идеи из субъективных *побуждений*. Но рядом с науками и искусствами есть посредствующее звено – «теорий искусства», руководящих искусствами помощью практических правил, построенных на почве научных выводов. «Теории искусства», как посредствующее звено между науками и искусствами, разумеется представляются результатом синтеза *исследования* и *построения*, результатом синтеза *объективного* и *субъективного* мышления. Рядом с наукой социологией возможна, как на это справедливо указал уже Конт, «теория социального искусства» или «политика» или «социальная этика». Социальную этику не должно смешивать с социологией, как наукой. Каждый социальный вопрос, а следовательно и вопрос о «прогрессе», может быть разбираем с точки зрения «социологической» и «социально-этической», т. е. с точки зрения научной, *теоретической*, или с точки зрения теории искусства, т. е. *практической*. Я разбирал его в своей вступительной лекции с точки зрения социологической и, устраняя всякий элемент чувства, всякие эгоистические или альтруистические побуждения из этого анализа, имел право называть этот анализ основанным на методе *объективном*, а также утверждать и то, что социология, как *наука*, должна исследовать *каждый* вопрос помощью этого объективного метода, что конечно не мешает синтезу данных *внешнего* и *внутреннего* опыта в этом исследовании. Такой именно синтез пытался и я осуществить в исследовании понятия «прогресса».

Теперь, в чем состоит различие моих воззрений и воззрений профессора Кареева на метод социологии? Различия эти касаются, во 1-х, толкования, даваемого нами понятию «объективного», в противоположность «субъективному». Профес. Кареев признает, подобно Конту [2] и Спенсеру [3], что метод исследования, основанный на внутреннем опыте, есть метод *субъективный*, т. е. примыкает к старому воззрению на значение этого термина. Я же пытаюсь обосновать *новое*. С моей точки зрения профес. Кареев такой же «скрытый объективист», как я, с его точки зрения, «скрытый субъективист». «Законный субъективизм» проф. Кареева есть, с моей точки зрения, один из видов «законного объективизма», а именно «психологический объективизм». Субъективные «элементы» идеи прогресса я признаю, но настаиваю опять на объективном к ним отношении. Различие тут очевидно более в словах, чем на деле. Но, во 2-х, профессор Кареев все-таки в воззрениях на задачи социологии расходится со мною потому, что отчасти смешивает социологию с социальной этикой, социальную науку с теорией социального искусства. Это ясно из того, что в состав социологии он вводит не только *феноменологию* (анализ социальных *явлений*) и *номологию* (анализ социальных *законов*), но и *деонтологию* (анализ социальных *принципов*)¹. Я же признаю социаль-

¹ Стр. 353 его статьи.

ную деонтологию, т. е. теорию социальных принципов, не частью науки социологии, а содержанием «теории социального искусства» или «социальной этики». Социальная этика или деонтология, конечно, должна представлять собою синтез объективного исследования с субъективными построениями мысли. Но социальная этика не есть социология. Что я разбирал вопрос о прогрессе только с точки зрения социологической, а не социально-этической, несомненно уже из того, что от многих лиц, смешивающих эти две области, я именно слышал упреки за то, что не дал в своей теории прогресса никакой критики практических общественных идеалов и не уяснил практических последствий, могущих вытекать из моей теории. «Ею-де всякий может воспользоваться для своих целей». С последним я не согласен, ибо из каждой научной теории, последовательно проведенной, возможен лишь один разряд практических выводов. Но я согласен с тем, что этих выводов сам пока еще не сделал. И на это я имел причины: для практических выводов нужно сначала *вполне разработать теорию*, а я пока набросал лишь эскиз её. Я слишком серьезно смотрю на задачи социальной этики, т. е. теории социального искусства, чтобы взять на себя теперь же непосильную для себя задачу немедленно построения «социальных идеалов». Еще недавно у нас многие думали, что эту задачу может разрешить всякий гимназист, что «социальных дел мастерством» вправе заниматься каждый школьник. Но я думаю, и опять вправе так думать, как самостоятельная человеческая особь, имеющая свой независимый орган мысли, что правильная и общеобязательная теория социального искусства или социальная этика может быть построена лишь на основах *научной социологии*, которая находится ныне еще в младенческом состоянии. Конечно, я предоставляю желающим заниматься теперь же «социальным искусством» и строить теорию его не на основаниях науки, а на основаниях личного, индивидуального опыта, но я, будучи сам ученым и почитателем наук, нахожу обязательным *для себя* поступать осмотрительнее, ибо «поспешишь – людей насмешишь», а это уже случалось у нас в России не раз.

И так, единственное различие моих взглядов на социологию от взглядов моего почтенного оппонента, проф. Кареева, состоит лишь в том, что я строже, чем он, разграничиваю социологию от социальной этики. Остальные разногласия чисто *формальные*, т. е. сводятся к различному пониманию контраста терминов «субъективного» и «объективного»¹.

¹ Поэтому я и не возражаю подробно на каждое из замечаний проф. Кареева. Из сказанного легко уже понять, что, напр., под объективной моралью я разумею не метафизическую мораль, а лишь этику, построенную помощью «психологического метода», причем, однако же, различаю объективную науку этику (часть психодинамики) от объективно-субъективной «теории искусства жизни», т. е. от этики практической, которая должна быть построена на основах теоретической или психологической этики. Индивидуальная «теоретическая» этика до сих пор часто также точно смешивалась с индивидуальной «практической» этикой, как социология с социальной этикой. Но науки и теории искусств везде должны быть строго разграничены.

В заключение прошу проф. Кареева извинить меня, что я воспользовался случаем, который дала мне его заметка, чтобы сделать возражения не только ему одному, но и по адресу других моих оппонентов и противников, которым отвечать особо я в настоящее время не буду.

Профессор *Николай Грот*.

(Одес. вестник. – 1884. – 21 февр. (№ 41). – С. 1-2)

Коментарі до авторського тексту статті:

[1] *Di choc des opinions jaillit la verite* (фр.) – переклад латинського вислову «У суперечці народжується істина».

[2] Конт Огюст (1798-1857) – французький філософ, позитивіст. Виклав свої погляди у шеститомному «Курсі позитивної філософії» (1830-1842) і чотиритомній праці «Система позитивної політики, або Соціологічний трактат про основи релігії людства» (1851-1854). Випускник Паризької політехнічної школи, був першим в історії філософії мислителем, який мав базову технічну освіту. Це дало йому змогу принципово по-новому підійти до розуміння і тлумачення цілої низки проблем, що й знайшло своє завершення в його теорії позитивізму.

[3] Спенсер Герберт (1820-1903) – англійський філософ і соціолог вікторіанської епохи британського індустріалізму, один з родоначальників еволюціонізму, ідеї якого користувалися великою популярністю в кінці XIX століття. Засновник органічної школи в соціології, ідеолог лібералізму, адепт захисту природних прав людини, критик утилітаризму. Остаточо затвердив в науковому обігу термін «соціологія». Його соціологічні погляди є продовженням соціологічних переконань Сен-Сімона і Конта. З його ім'ям пов'язують два підходи до розгляду суспільних явищ.

3.2. Еще несколько соображений о задачах социологии и о научном анализе понятия «прогресс»

Человек, хотя бы он обладал еще довольно слабой степенью сознания и способностью наблюдать то, что вокруг него происходит, тем не менее не может не заметить того, что и вне его, в среде, и в нем самом постоянно происходят *изменения* и что эти изменения касаются столько же самых вещей, сколько и их отношений. Но сперва он не замечает взаимной связи и зависимости этих изменений друг от друга, их постоянного повторения и сходства. Поэтому он считает их более или менее случайными, приписывает их произволу и фантазии каких-то деятелей, скрытых от его глаз. Со временем, однако, для него все более и более выясняется взаимная связь многих перемен, происходящих в мире, их постоянство и однообразие. Это приводит его к понятию законов, управляющих этими изменениями и к стремлению открыть и формулировать эти законы. Раз ему удалось открыть такие законы, хотя бы для некоторых изменений, и проследить известные цепи или законченные звенья этих изменений, как во внешней среде, так и в нем самом, у него в сознании складывается понятие *развития* и является слово для обозначения этого понятия, – слово, выражающее именно эти законосообразные цепи изменений, подмеченных им в природе. Однако вполне научное и строго определенное содержание этот термин «развития» получает лишь тогда, когда человек открывает, далее, взаимную связь отдельных цепей или групп изменений друг с другом, когда он убеждается, что вся жизнь природы есть одна непрерывная и управляемая одними и теми же законами сложная цепь изменений и что основной закон всех этих изменений есть закон *взаимодействия* вещей и *приспособления их друг к другу*, являющегося результатом этого взаимодействия. Такая вполне научная и определенная идея *развития* всего существующего вполне обоснована лишь современной наукой, – наукой, открывшей, что и происхождение самых сложных организмов и течение самых сложных явлений их существования можно рассматривать как законосообразную цепь сложных перемен, тесно связанных со всеми остальными изменениями в природе, как целом.

Достигнув такой высшей и сложной идеи *развития*, наука однако же поставлена была сейчас же в необходимость дифференцировать эту идею. Человечество, опять на самой ранней ступени сознания и самосознания, заметило, что одни перемены составляют по отношению к целому, в котором они совершаются, или *улучшение*, или *ухудшение*. Смерть организма есть тоже перемена или совокупность перемен, – между тем целое, в котором эти перемены совершаются, от них жестоко страдает, ибо это целое разрушается. Но, кроме смерти, есть и другие перемены, не столь радикальные, но тоже являющиеся явным ухудшением в состоянии данных целых. Таковы, например, перемены, которые обнимаются в понятиях болезни, страдания – в применении к живым организмам, в

понятиях уменьшения объема, распада на части и т. д. — в применении к целым неодушевленным. Замечено было далее, что в то время, как одни целые не чувствуют и не сознают этих перемен, клонящихся к их разрушению, другие целые их чувствуют и сознают, и что точно также одни целые не сознают, а другие сознают перемены обратного характера, клонящиеся к их дальнейшему сохранению и к улучшению их состояния.

Из всех этих наблюдений и создался тот материал, на основании которого наука должна была дифференцировать понятие развития. «Развитие» для нее, как мы видели, представляется такой сложной цепью законосообразных перемен в природе, которое вызывается взаимодействием всех ее элементов, т. е. вещей или отдельных целых, ее составляющих, и имеет результатом приспособление их друг к другу. Этот-то результат взаимодействия или способ приспособления вещей друг к другу и является *двойким* или даже, при ближайшем рассмотрении, *тройким*, — по крайней мере в возможности. Дело в том, что каждая перемена в каждой вещи для науки представляется изменением *вещества* и *силы* этой вещи. Но и вещество и сила могут изменяться тройко: или совершается простое перераспределение в данном целом его веществ и сил, без увеличения или уменьшения их количества, или такое перераспределение сопровождается увеличением суммы веществ и сил в данном целом, или, наконец, оно предоставляется уменьшением суммы этих веществ и сил. Так как однако увеличение веществ и сил в одном из взаимодействующих предметов сопровождается уменьшением их в другом, то *de facto* каждое *взаимодействие* двух или более предметов друг с другом может быть только *двойкое*: или данный ряд законосообразных перемен в том и другом предмете не изменяет количества сил и веществ в каждом, а изменяет только характер их распределения, или же данный ряд перемен сопровождается увеличением веществ и сил в одних взаимодействующих предметах и соответствующим уменьшением в других. Но развитие, как мы видели, есть понятие, выражающее известную совокупность перемен в известном целом, *отдельно взятом*. Поэтому, с точки зрения развития, *целое* может подвергаться *тройким* переменам, а именно: 1) переменам, оставляющим его, как целое, нетронутым; 2) переменам, увеличивающим его содержание, и в 3) переменам, уменьшающим его содержание. Отсюда является необходимость научно дифференцировать идею развития на три частные идеи. Такую дифференциацию и пытаются, например, дать новейшая биология в понятиях *субституционного* развития (оставляющего целое нетронутым), *прогрессивного* развития и *регрессивного* развития. Термины эти, однако, будучи может быть вполне пригодными для целей биологии, едва ли достаточно точно дифференцируют идею развития, с точки зрения науки о природе вообще. Дело в том, что в каждом из этих видов развития может быть *двойкая* сторона, а именно: раз те целые, которые составляют природу, делаются способными *сознавать* перемены,

в них совершающиеся, каждая такая перемена оказывается имеющей две стороны – *внешнюю* и *внутреннюю*, т. е. может быть рассматриваема как перемена в сумме веществ и сил данного целого и как соответствующая перемена в состояниях сознания. Эту двоякую идею перемен, *физических* и *психических*, наука должна тоже точно дифференцировать. В понятиях «прогресса» и «регресса» есть несомненные указания на те внутренние *психические* изменения, которые сопровождают те или другие двоякие из числа возможных изменений в *физических* состояниях целых, их испытывающих, т. е. организмов вообще и человеческих в особенности. Поэтому можно – или удержать эти термины для общего обозначения двух из указанных выше видов развития вообще, или же специализировать эти термины для обозначения психической, внутренней стороны перемен того или другого типа. В первом случае, науке придется избрать особые термины для обозначения специальных психических коррелятов развития, идущего на пользу или во вред данному целому, во втором случае, наоборот, наука должна найти новые термины для обозначения всех совокупностей упомянутых двух типов перемен, столько же внешних, сколько и внутренних. Но, во всяком случае, ей надлежит еще, в дополнение, придумать термины для обозначения *одних только внешних сторон* всех трех указанных типов развития.

Для выражения специально внешней стороны одного из типов развития, а именно того, который биология называет *прогрессивным*, введен уже прекрасный термин Спенсером и термин этот нашел себе ныне самое широкое распространение. Я разумею термин *эволюции*. Но мне кажется, что ему должны быть придуманы корреляты для выражения внешней стороны, как *регрессивного*, так и *субституционного* развития. Эти корреляты я нахожу в терминах *деволюции* и *инволюции*. Оба эти термина, будучи в этом своем значении новыми, оправдываются самым словообразованием: латинский глагол «*devolvo*» значит «тащу вниз», в пассивной форме, «качусь вниз»; значит, в этом термине лежит та же идея, как и в термине «регресс». Латинский глагол «*involvere*» значит «тащу вперед», в переносном смысле «завертываю, покрываю»; согласно этому термин «инволюция» может означать развитие, изменение, которое сопровождается перераспределением данных веществ и сил, уничтожением старых форм предметов, и заменой их новыми, без изменения *общего количества сил*, т. е. оно может другими словами выражать идею, сходную с идеей «субституционного» развития¹. Но этого мало: надо еще придумать

¹ Уже после написания этой заметки я узнал, что Schättle, в «*Bau und Leben des Socialen Körpers*. II Th. Tübingen 1878» [1], термины трансволюции и инволюции почти в тех значениях, которое я даю терминам «инволюции» и «деволюции». Но я думаю все-таки, что термин «инволюции» (в параллель термину «ингресса») удобнее для обозначения субституционного развития, чем для выражения внешней стороны развития регрессивного. Впрочем дело не в словах: на первом плане стоит дифференциация самой идеи «развития» ср. Schättle упомянут. соч., стр. 35 и след.).

термин, который бы выражал идею, среднюю между идеей прогресса и регресса. Понятие субституции для этого, мне кажется, недостаточно, ибо, в сущности говоря, субституция (замещение) может быть не только индифферентной по результатам, но и прогрессивной и регрессивной, — например субституция нервными тканями жировых в организме может быть несомненно признана субституцией прогрессивной, если не всегда, то в большинстве случаев. Я думаю, что для выражения идеи развития, которое не может быть признано ни прогрессивным, ни регрессивным, есть прекрасный термин — термин «ингресса», выражающий идею простого перехода из одного состояния в другое.

Итак мы имеем пока, для дифференциации общей идеи развития, следующие термины:

Эволюция	Инволюция	Деволуция
Прогресс	Ингресс	Регресс

Теперь, мне кажется, что термины «прогресс, ингресс и регресс» или термины прогрессивного, ингрессивного и регрессивного развития удобнее для обозначения и внутренних и внешних перемен, совершающихся в природе, *вместе взятых*, чем для обозначения *одних только внутренних* перемен, в сознании, сопровождающих усиление, простое перераспределение или уменьшение веществ и сил в подвергающихся развитию целых. Дело в том, что в обычном употреблении термины «прогресса и регресса» означают не одни только изменения в сфере чувств и вообще душевных состояний человеческого индивидуума или человеческого общества, но и вызывающие их внешние материальные изменения. А между тем, для выражения собственно психических изменений, сопровождающих эти перемены, существуют другие термины, чисто *психологического* характера, а именно термины «удовольствия, страдания и безразличного состояния». Поэтому я не вижу надобности суживать и вообще изменять значение термина «прогресса» и других, ему параллельных, когда есть иные, более точные термины для выражения психических коррелятов тех перемен, которые признаются моментами эволюции, деволуции и инволюции. Но, скажут мне, термины удовольствия и страдания гораздо *специальные*, например, терминов эволюции и деволуции: они обозначают лишь психические корреляты *отдельных* актов процессов эволюции и деволуции, совершающихся в известных целых, в течении более или менее продолжительного времени. Это замечание будет вполне верно: понятию эволюции соответствует собственно не понятие удовольствия, а понятие *увеличения удовольствий и уменьшения страданий*, или понятие *возрастания счастья*, понятию деволуции — понятие *увеличения страданий и уменьшения удовольствий*, т. е. понятие *понижения счастья*, понятию инволюции — понятие *равновесия удовольствий и страданий*, т. е. понятие *субъективного равновесия сознания*. Эти сложные понятия и должны выражать, по моему мнению, психические корреляты

трех типов изменений в соотношении материальных сил известных целых, подвергающихся развитию и способных *сознавать* претерпеваемые ими изменения.

Таким образом в результате оказывается, что научная идея развития может быть дифференцирована следующим образом:

Развитие:

1. Прогрессивное (прогресс)	2. Ингрессивное (ингресс)	3. Регрессивное ¹ (регресс)
а) эволюция	а) инволюция	а) деволуция
б) возрастание счастья	б) субъективное равновесие сознания.	б) понижение счастья

Дифференцировать, таким образом, идею развития, спросим себя теперь, в чем заключаются задачи *науки* в разработке частных идей, в нее входящих.

Уже из всего сказанного, очевидно, что явления прогрессивного, ингрессивного и регрессивного развития суть *факты*, данные в действительности, а не воображаемые. Следовательно, задачи *науки* вообще наследовать природу этих разнообразных фактов, выяснить, в чем заключается прогресс, регресс и ингресс, с внешней, материальной, и соответствующей внутренней, или психической, стороны и притом столько же в природе вообще, сколько и в отдельных сферах ее существования и развития.

Определение прогресса, регресса и ингресса в сфере развития специально *человеческого общества*, в связи, однако же, с исследованием более простых коррелятов этих фактов *вне* развития этого специального и сложного целого, т. е. в связи с исследованием этих фактов, как они даны во всей природе вообще, — есть задача *социологии*, науки о жизни и развитии человеческого общества. Отсюда вытекает, что задачи *социологии*, в отношении к исследованию этих фактов, сводятся к определению того, *что такое* прогресс, регресс и ингресс в развитии человечества, как высшего в природе целого или индивидуума. Но именно потому, что это целое стоит *не вне природы*, а составляет *имманентную часть ее состава*, задача социологии расширяется: она должна найти такие формулы для указанных типов развития человеческого общества, которые не противоречили бы аналогичным фактам развития природы вне его, — та-

¹ Конечные результаты прогрессивного, ингрессивного и регрессивного развития выражаются идеями «победы в борьбе за существование», «осуществление цели простого самосохранения в этой борьбе» и «поражения в борьбе за существование».

кие формулы, которые могли бы быть рассматриваемы, как ингредиенты *общих* формул прогрессивного, ингрессивного и регрессивного развития природы в ее целом.

Таких именно формул прогрессивного и регрессивного развития человечества я и искал в своем этюде о прогрессе. Может быть я и не достиг этой цели, да едва ли и можно ее достигнуть так легко и скоро. Моя задача была только найти *путь* для осуществления этой цели, а самое осуществление разумеется принадлежит будущему. Следовательно, весь вопрос только в том, правилен ли намеченный мною путь, или нет. Но теперь дело не в этом. Несомненно одно, что задача социологии, как *науки*, заключается во 1) в том, чтобы определить, *что такое* прогресс, регресс и ингресс на основании троякого рода фактов развития, данных самой действительностью, и во 2) в том, чтобы определить, какой из этих разрядов фактов имел преобладание в прошедшем, *в истории*. Вопрос же о том, какой преобладающий характер будет иметь развитие *в будущем*, а равно и вопрос о том, какой конечный результат даст это развитие в будущем, — эти вопросы не суть вопросы *социологические* и вообще *научные*. Это вопросы *социально-этические*, практические.

Конечно наука, на основании полного знания прошедшего, вообще всего уже существующего, способна отчасти предвидеть и предсказывать будущее. Но для этого нужно во 1) *полное* знание прошедшего и настоящего, которое еще составляет только идеал социальной науки, а не совершившийся факт; во 2) даже и при таком полном знании, наука может утверждать что-либо о будущем лишь с большей или меньшей *вероятностью*, а не с совершенной достоверностью, ибо полное знание человека, жителя «одной из планет», будет всегда лишь знанием *относительным* и наступление непредвиденных им общих мировых переворотов, которые помешают осуществлению предвидимых им частных перемен всегда будет возможно. Но если так, то ожидать теперь же от социологии, наименее разработанной из наук, чтобы она предсказала безошибочно, осуществится ли в будущем прогресс или регресс в развитии человечества, будет ли достигнуто возрастание или понижение счастья человеческого рода и к каким конечным результатам приведет развитие человечества, — ожидать ответов социологии на эти вопросы было бы безрассудно. Они вовсе не подлежат еще научной формулировке.

Так как однако все эти вопросы существенно интересуют человека и оставить их без всякого рассмотрения он не может, то он и должен делать их предметом обсуждения в *социальной этике*, т. е. в теории социального искусства. Социальная этика, разумеется, может достигать только выводов, более или менее *вероятных*. Опираясь на добытые социологией результаты, она может, например, по моему мнению демонстрировать *вероятность будущего прогресса*, если человечество поставит себе целью достижение такового и, поставив себе такой *идеал*, будет употреб-

лять *надлежащие средства* для его осуществления. Но этот *постулат*, по самой природе своей, будет все-таки иметь всегда *полусубъективный* характер, будет предметом *веры*, а не *знания*, в настоящем значении этого слова, – а потому нравственно-обязательными будут всегда только стремления к этому идеалу, а не уверенность в необходимости его осуществления. Вообще все построения, относящиеся к понятию прогресса, как *идеала*, неизбежно должны носить на себе *субъективный* отпечаток и составлять предмет *субъективного творчества*, а не объективного знания, – предмет социальной этики, а не социологии, как науки. К каким общим построениям социальная этика способна прийти в настоящее время, т. е. как она может демонстрировать вероятность прогресса в будущем, *по моему личному* (отчасти субъективному) *убеждению*, – я рассмотрю в другой раз.

Подготовкой для решения этих социально-этических проблем должна служить предложенная мною на ближайшую публичную лекцию (11 марта) *критика социально-этических доктрин пессимизма и оптимизма*.

Профессор Николай Грот.

Одесса, 4 марта, 1884 г.

(Одес. вестник. – 1884. – 6 марта (№ 52). – С. 1-2)

Коментарі до авторського тексту статті:

[1] Мається на увазі книга німецького і австрійського економіста і соціолога, представника органічної школи, Альберта Еберхарда Фрідріха Шеффле (1831-1903) «Будова життя соціальних тіл. Т. 1-4».

3.3. Замечательный пример множественности состояний сознания у одного и того же субъекта

Теснейшая связь душевной деятельности человека с деятельностью и состояниями мозга и нервной системы не может в настоящее время служить предметом сомнения для лиц, сколько-нибудь знакомых с новейшими открытиями анатомии и физиологии. Каждый душевный процесс совершается в человеке при помощи известного нервно-мозгового аппарата, каждое душевное состояние сопровождается известными переменами в мозговом и нервном веществе и вся душевная деятельность в конкретном индивидууме есть в известном смысле работа каких-либо органических тканей, – таковы те основоположения, которые должны служить в настоящее время исходными точками для всякого **научного анализа психических явлений и процессов**, и все новейшие выдающиеся психологи,

английские (как напр. Спенсер [1], Маудсли [2], Карпентер [3], Бэн [4] и др.), немецкие (как напр. Лотце [5], Фехнер [6], Вундт [7], Горвиц [8], Brentano [9]), французские (Дюмон [10], Рибо [11], Паулан [12], Дельбеф [13], Перец [14] и др.), итальянские (Сицилиани [15], Мантегацца [16] и проч.) и иные, стремятся поставить исследование психических явлений в связь с физиологиею нервной системы, насколько это доступно каждому из них, но его научной подготовке и условиям деятельности. Несомненно, что в очень скором будущем для представителя научной психологии будет даже безусловно необходимо по образованию своему быть натуралистом, т. е. иметь специальную подготовку не только по физиологии и анатомии человека, но и по другим наукам естественным, тесно соприкасающимся с ними.

Все это конечно отнюдь еще не предрешает вопроса о сущности силы, действующей в психонервном механизме человека, и сил, действующих во всей природе вообще. Только люди, не имеющие никакого философского образования, могут смешивать свои представления о явлениях с представлениями о их конечных основах, субстратах, двигателях. Научная психология исследует психические явления в связи с их физиологическими условиями и действиями. Философия духа совершенно иными, построительными методами может добраться до самой основы психических явлений. И потому-то смешение психологии с философией, признание первой за отдел второй, а второй чуть не за особое название первой – смешение весьма обычное в нашу нефилософскую эпоху – представляется для человека с философскою подготовкою одним из вопиющих абсурдов современного мировоззрения общества.

Психология, как наука, делает в настоящее время поразительные успехи. Почти каждый месяц приносить нам, чрез посредство многочисленных периодических изданий, между которыми особенно видное место принадлежит «Философским этюдам» Вундта (Wundt. Philosophische Studien. Leipzig. 4 кн. в год) и «Revue philosophique» Рибо, издаваемой в Париже, новые интересные наблюдения, опыты и открытия.

Все эти чисто научные психологические исследования касаются именно главным образом вопроса о связи психических явлений с физиологическим механизмом, о зависимости душевных явлений от отправлений того или другого органа и, наоборот, изменений и процессов в органах нервной системы от тех или других состояний сознания. Наука быстро идет на пути открытия локализации различных психических отправлений в мозгу и даже на пути изобретения строго-научных приемов измерения скорости и интенсивности психических процессов и явлений. В этом отношении особенно интересны работы в психологической лаборатории Вундта в Лейпциге, которые совершаются совокупными усилиями нескольких молодых ученых, учеников Вундта, и для которых изобретено множество особых инструментов и приспособлений.

Но рядом с этой экспериментальной психологией, которая исследует по преимуществу зависимость психических явлений от физиологических условий, и родиною которой несомненно должно признать Германию (Иоганн Мюллер [17], Вебер [18], Фехнер, Вундт, Гельмгольц [19] и др. психофизики и психофизиологи), возникла в последнее время другая, совершенно новая область экспериментальной психологии во Франции, под влиянием и при участии французских медиков, с Шарко во главе, которая подвергла научному исследованию явления, так называемого сомнамбулизма и гипнотизма.

Этого рода экспериментальная психология, самыми видными представителями которой являются доктора-физиологи Шарль Рише [20], Бони [21] и др.¹, преследует задачу до известной степени противоположную задаче германской экспериментальной психологии. Она имеет своею главною целью освещение зависимости физических и физиологических явлений в организме от известных, искусственно вызванных душевных состояний. Даже научное исследование отгадывания мыслей имеет предметом изучение действия психических состояний, – состояний сознания лица экспериментируемого, – на его мышцы и нервную систему вообще, с целью определения способа передачи этих психических состояний другому лицу.

Несомненно, что обе указанные области экспериментального психологического исследования одинаково важны, что обе они сулят в будущем совершенный переворот в научной психологии и постановку ее в положение строго индуктивной, точной науки; весьма вероятно также, что оба метода со временем сольются и образуют вместе один общий экспериментальный метод психологии, как науки, долженствующей определить законы душевной деятельности человека и других существ, в связи с анатомическими и физиологическими ее условиями. В настоящее же время известная специализация, по самой новизне дела, необходима и нельзя претендовать на ученых специалистов, что они работают еще без всякого общего плана, разрозненно, стараясь каждый, по мере сил, внести свою лепту в сокровищницу науки.

В числе последних работ, о результатах которых почти ежемесячно сообщает «*Revue philosophique de la France et de l'Étranger*» мы встретили в октябрьской книжке этого журнала одну, особенно интересную, с содержанием которой мы и познакомим читателей.

Дело идет о наблюдениях и опытах некоего доктора Буррю, профессора морского медицинского училища в Рошфоре, и помощника его Бюро, над одним истерическим субъектом и эпилептиком В. . . , которые являются поразительным доказательством именно тесной связи, су-

¹ Статьи их по экспериментальному исследованию явлений гипнотизма большею частью печатались в «*Revue philosophique*» за последние годы.

ществующей между душевною деятельностью человека и его нервно-физиологическим аппаратом.

В. . . , 22-х лет, родился в Париже, но провел большую часть детства в Люизане в Шартре. Дурное обращение матери сделало его бродягой, и он по суду попал в исправительную колонию St. Urbain. Здесь он получает первоначальное образование, которое благодаря быстрым способностям хорошо усваивает. Однажды, во время собирания винограда, змея обвинила его левую руку. Испуг его был так силен, что он подвергается целому ряду истерических и эпилептических конвульсий, которые, в конце концов, имеют следствием паралич нижних конечностей тела. Вследствие этого он был переведен в убежище Бонневалья¹ 3 марта 1880 года. Здесь его помещают в отделение портных. Через два месяца, после большого приступа эпилепсии, он выздоравливает, но вместе с тем теряет умение шить и самый характер его изменяется.

Когда В. исполнилось 18 лет (в 1881 г.) его отсылают из убежища. Он поступает рабочим к владельцу виноградников возле Маконе. Заболев вскоре снова, он попадает в больницу в Маконе, затем в убежище St. Georges в Bourg. По выздоровлении появляется в Париже, где последовательно проходит несколько различных служб в заведениях св. Анны и в Бисетре. 2-го января 1885 года он поступает в морскую инфантерию и попадает в Рошфор, чтоб присоединиться к экспедиции в Тонкин. Уличенный в краже еще в Рошфоре, он подвергается здесь военному суду. Но узнав о его прошлом, военный суд признает его невменяемым и отправляет 27 марта 1885 г. в клинику рошфорской медицинской школы. Здесь он на другой же день снова впадает в истеро-эпилептическое состояние, которое оканчивается параличом и анестезией (нечувствительностью) правой стороны тела.

С этого момента и начинаются любопытные психо-физиологические наблюдения и опыты над больным докторов Буррю и Бюро, результаты которых мы намерены сообщить.

Явление множественности состояний сознания, заключающееся в том, что некоторые человеческие субъекты, под влиянием каких-либо особых обстоятельств (болезни, ушиба головы, страха или иного душевного потрясения), теряют память и сознание непосредственно предшествующих событий, фактов, идей и других душевных состояний своих, и напротив начинают вновь жить снова состояниями другой эпохи своего существования, вспоминая давно забытое и будучи поставлены в необходимость сначала начинать учиться тому, что они отлично знали, извест-

¹ Еще на днях в петербургской газ. «Новости» был рассказан любопытный случай забвения г-жею С., под влиянием болезни, знакомых ей трех языков (русского, французского и немецкого), так что она принуждена была вновь им учиться и могла выучиться только по-русски, да и то лишь через полгода (сообщение д-ра Красильникова).

но науке уже довольно давно. Почти во всех новейших руководствах по психологии в главе о памяти мы находим разбор явления так называемой двойственности сознания (случай множественности), состоящего в потере части сознания под влиянием упомянутых выше причин и ведущего к образованию нового состава сознания у данного субъекта, который в свою очередь иногда утрачивается под влиянием выздоровления и возвращения в прежнее душевное состояние. Рассказываются поразительные примеры того, как люди забывали тот или другой язык, хорошо им известный, и целые эпохи своей жизни, вместе с лицами и обстоятельствами игравшими в них роль, а потом по выздоровлении снова приобретали почти моментально все утраченные знания и забывали в свою очередь все, что происходило во время их болезни. Множество таких фактов и рассказов приведено у Карпентера (Физиология ума), Рибо (Болезни памяти) и у других современных психологов². Рядом с этим каждому человеку, по его собственному опыту, известно, как он сам или другие, знакомые ему лица, под влиянием перемены образа жизни и обстановки ее, или под влиянием особых обстоятельств (как напр. действия алкоголя, острой болезни или душевного волнения) переносились из одного строя мыслей и чувств в другой, а потом часто снова возвращались в прежнее состояние духа или в прежнюю сферу сознания. Я уже не говорю о действии алкоголя, который многих заставляет постоянно жить двумя жизнями и двумя сознаниями (трезвым и пьяным). Стоит каждому припомнить свои личные опыты – и он легко убедится, что путешествия, перемещения по службе и делам из одной страны в другую и т. д. приводили его последовательно в разные душевные состояния и что стоило ему вернуться на прежнее место жительства, чтобы разом на него поваяло вновь старым настроением, мыслями и чувствами, связанными с обычной обстановкой, и чтобы забылись отчасти состояния, пережитые при других обстоятельствах. Притом, не переживаем ли мы ежедневно наяву и во сне две сферы сознания, дневного и ночного, которые постоянно сменяют друг друга? Люди, близко наблюдавшие на своем веку какую-нибудь психическую болезнь, еще лучше должны знать явление двойственности сознания, утрачивающего по выздоровлении всякое воспоминание о пережитых во время болезни галлюцинациях.

Но явление двойственности сознания есть лишь частная форма явления множественности состояний сознания и это именно лучше всего доказывается поразительными опытами докторов Буррю и Бюро над В. Эти опыты знакомят нас с целыми шестью резко отличными друг от друга фазами сознания и душевными складами, пережитыми одним и тем-же лицом, вследствие болезни, и искусственно воспроизведенным наукою, путем приведения этого лица последовательно в различные физические и психонервные условия, вызывавшие или сопровождавшие резкие перемены в его душевном настроении. В этом искусственном воспроиз-

ведении или повторении исследуемого явления и заключается главное значение экспериментов вышеупомянутых докторов, ибо ими созданы методы для дальнейшего строго научного изучения явлений, которые до сих наблюдались только случайно и настоящей научной проверке были недоступны. Но будем продолжать свой рассказ.

Когда В. попал в больницу медицинского морского училища в Рошфоре, пораженный параличом и нечувствительностью всей правой стороны тела, то доктор Буррю пробовал вывести его из этого состояния действием металлов и магнита.

Вскоре ему удастся, путем приложения намагниченной стальной полосы к правому парализованному предплечью, перевести параличное состояние с правой стороны тела в левую, так что больному возвратилась способность движения и чувствительность правой стороны. При этом, однако ж, совершилась одновременно другая любопытная трансформация: изменились совершенно характер, вкусы, выражение физиономии и самая речь больного. Он более не узнает места, в котором находится и думает, что находится в Париже в Бисетре и имеет дело с доктором Вуазеном (Voisin). Думая, что это явление должно объяснить диссоциацией мозговых полушарий, доктор Буррю и его помощник стараются возвратить больному деятельность всего мозга и, после многих бесплодных попыток, им удастся достигнуть этой цели при помощи электрической ванны. Параличное состояние совершенно исчезает у В., но вместе с тем снова меняется его душевный склад: он переносится в St. Urbain (1877-й г.), владея всеми своими способностями. Его голос, поведение, физиономия выдают благонаправленного юношу. Он рассказывает историю своего детства и говорит о своих занятиях в земледельческой колонии. Но все, что произошло после 22 марта 1877 г., ему совершенно неизвестно.

После этого нового поразительного превращения Рошфорские доктора решаются продолжать над ним опыты и, последовательно изменяя его физиологические состояния действием магнита, стали, железа (*fer doux*), электричества, заставляют его переживать следующие душевные состояния.

Первое состояние. Паралич и анестезия правой стороны тела (состояние больного после 28 марта 1885 г.)¹ – В. болтлив, в буйном настроении, физиономия и поза нахальны; его речь правильна, но груба; он всем говорит «ты» и всех обзывает неуважительными прозвищами. Он курит с утра до вечера и нескромно выпрашивает у окружающих табак. Вместе с тем он обнаруживает смыслённость, знает о всех событиях дня и хвастает своими антирелигиозными и ультрарадикальными убеждениями. Не признавая никакой дисциплины, он готов убить всякое лицо, которое потребовало бы от него знаков уважения. Произношение для него затрудне-

¹ Подробные физические признаки каждого состояния мы не будем передавать, ибо они интересны только для специалистов.

но, но он может читать, хотя при повышении голоса чтение становится неразборчивым. Память очень интенсивна по отношению к настоящему – он наизусть повторяет целые столбцы газет; но во времени она ограничена. Из прежней жизни В. помнит кое-что о службе своей в Бисетре и о последнем времени пребывания в Бонневале, но о событиях в промежутке и о детстве и юности своей, до выздоровления своего в Бонневале, ничего не помнит.

Второе состояние. Паралич и анестезия левой стороны тела.

– При пробуждении В. думает, что находится в Бисетре 2 января 1884 г., – ему 21 год, он видел вчера своего начальника г. Voisin. Вид его сдержанный, физиономия кроткая, речь правильна и учтива. Он никому не говорит более «ты», и присоединяет обычное французское обращение «monsieur». Курит умеренно. Религиозных и политических убеждений не имеет. Эти вопросы не касаются-де такого невежественного человека, как он. По отношению к окружающим он почтителен и подчиняется дисциплине. Произношение совершенно отчетливо: он отлично читает и порядочно пишет. Все события после 2 января 1884 года ему абсолютно неизвестны; он не знает и не узнает никого из окружающих, не знает даже о существовании морской пехоты и о войне с Тонкином. Он помнит, что ранее службы в Бисетре служил еще в St. Anne; но все, что было ранее, он забыл.

Третье состояние. Паралич конечностей левой стороны еще остается и сопровождается общей анестезией левой стороны, но остальная часть левой стороны освобождена от паралича.

Больной просыпается в убежище St. Georges в Бурге в августе 1882 г. Ему 19 лет. Франция воюет с Тунисом. Характер, чувства и настроение, язык, выражение лица и вкусы те же, что и во втором состоянии; но память отодвигается назад. Он рассказывает о том, как попал из Шартра в Макон к владельцу виноградников, где и работал, как затем, заболев, попал в больницу в Маконе, а потом в убежище в Бурге, где и находится-де. Все что следовало за этими событиями 1882 г. и что было раньше переезда в Макон ему неизвестно.

Четвертое состояние. Паралич нижней половины тела, явившийся следствием приложения магнита к затылку: В. думает, что он находится в Бонневале. Он учтив, застенчив, печален. Произношение отчетливо, но речь неправильна, безлична, как у детей. Он разучился писать и читать. Умственные способности притуплены; память сбивчива. Он знает только два места: Бонневаль, где, по его мнению, он находится, и St. Urbain, откуда явился. Все предшествующее, не включая и события со змеею, а также и все последующее, бывшее с ним после пребывания в Бонневале, ему совершенно неизвестно. Его обычное занятие есть-де портняжничество; он шьет как человек, привычный к этому делу.

Пятое состояние. Паралич и анестезия исчезли. – В. думает, что ему 14 лет. Сначала он полагает, что находится в St. Urbain в 1877 г. Президентом республики оказывается Мак-Магон, папою Пий IX. В. застенчив, как ребенок, – выражение лица, речь, поза вполне согласуются с этим настроением. Он отлично читает и хорошо пишет, прекрасно помнит все свое детство и дурное обращение матери. Помнит он также, что его осудили к помещению в исправительный приют и свое пребывание в колонии, – как и у кого он учился, какие исполнял земледельческие работы. Его воспоминания как раз доходят до события с змеєю и одно напоминовение о нем повергает его снова в эпилептические конвульсии.

– Шестое состояние. Паралича нет, но есть в левой стороне гиперестезия (усиленная чувствительность), произведенная искусственным путем.

– В. снова 22 года, он возвращается к сознанию 6 марта 1885 г. Он знает современные этому моменту события. В. Гюго, великий поэт, еще жив. В. является уже не застенчивым ребенком, а приличным юношей; он солдат морской пехоты. Речь правильна, произношение отчетливо; он читает очень хорошо, пишет прилично. Память его обнимает все события его жизни, исключая той эпохи, когда он находился в St. Urbain и Бонневале, одержимый параличом нижней половины тела.

– Эти шесть состояний обнимают всю жизнь субъекта. Доктор Буррю проверил все факты, сообщенные больным в различных состояниях, показаниями лиц, с которыми В. приходилось иметь дело в разные эпохи жизни (д-р Камюз в Бонневале, Вуазен в Бисетре и т. д.), и эти факты оказались верными.

Но произведенные опыты показали экспериментатору еще недостаточными.

Вызывая известные болезненные физические состояния, пережитые субъектом, он воспроизводит и соответствующие душевные состояния, которые их сопровождали. Но затем ему вздумалось испытать обратный путь. И здесь-то именно с особенною рельефностью обнаруживается, каким громадным орудием для психологической экспериментации обладает ныне наука в методе гипнотизирования, если она пользуется им с целью наблюдения физических действий душевных состояний, искусственно вызванных в экспериментируемом лице путем внушения.

В состоянии гипноза В. внушают, что он проснется в Бисетре. По пробуждении из гипнотического состояния он воображает себя действительно в Бисетре 2 января 1884 г. Все душевные настроения, мысли и чувства оказываются таковыми, как они были описаны во втором состоянии. Вместе с тем обнаруживается у больного уже исчезнувший паралич и анестезия всей левой стороны. В другом состоянии гипноза ему внушают, что он проснется портным в Бонневале. По пробуждении, душевный

склад оказывается тот же, что в описанном выше четвертом состоянии, и вместе с тем появляется временно паралич нижней половины тела.

Все эти любопытные опыты приводят докторов Буррю и Бюро к следующим выводам:

1. Действуя на телесное состояние физическими агентами, экспериментатор приводит субъекта в соответствующее состояние сознания.

2. Действуя, при помощи метода гипнотизирования, на душевный склад субъекта, он вызывает соответствующее ему физическое состояние организма.

Ничего и говорить, после всего изложенного, какую громадную важность имеют для будущего эти оба приема психофизиологической экспериментации, могущее быстро и верно привести науку к определению взаимной зависимости душевного и физиологического механизмов человека.

Мы хотели бы, однако, при этом соблюдения двух условий. Во-первых, чтобы упомянутое экспериментирование, **в особенности путем состояния гипноза, было производимо исключительно под наблюдением врачей**, то есть, людьми компетентными в подобном деле и ответственными за него, так как превращение его в своего рода *jeu de société* опасно для здоровья и жизни лиц, подвергаемых эксперименту, и безрезультатно для науки, а напротив, только содействует укоренению в обществе предрассудков и суеверия. Во-вторых, желательно было бы, чтобы люди интеллигентные и образованные не выводили из подобных экспериментов более того, что из них следует, а именно, что душевная и физиологическая деятельность в живом человеческом организме находятся в тесной зависимости друг от друга. Но что такое вещество, сила, дух – этого наука не знает и не может знать. Пусть исследование этих вопросов наука предоставит философии, которая более компетентна в их разрешении.

Повторяем сказанные нами еще недавно с университетской кафедры слова немецкого ученого Ланге [22]: «Вопрос, что такое сила и вещество есть вопрос теории познания, т. е. философии, а не точной науки, имеющей дело только с явлениями и их отношениями».

Проф. Николай Грот.

(Одес. вестник. - 1886. - 24 янв. (№ 22). – С. 1-2)

Коментарі до авторського тексту статті:

[1] Спенсер Герберт (1820-1903) – англ. філософ, соціолог вікторіанської епохи брит. індустріалізму, родоначальник еволюціонізму, засновник органічної школи в соціології.

[2] Маудслі Генрі (1835-1918) – англ. психіатр, філософ, д-р медицини, проф. Лондонського університету.

[3] Карпентер Едвард (1844-1929) – англ. поет, філософ і соціальний борець кінця XIX – початку XX століть. Широко відомі його філософські праці. Зокрема його роздуми про природу цивілізації, в яких він констатує, що цивілізація – це хвороба людства, яку воно ще жодного разу не переживало.

[4] Бен Олександр (1818-1903) – шотл. філософ, психолог та педагог.

[5] Лотце Рудольф Герман (1817-1881) – нім. філософ, медик, психолог, проф. філософії у Геттінгені, представник ідеал-реалізму.

[6] Фехнер Густав Теодор (1801-1887) – нім. фізик, психолог, філософ, письменник-сатирик (виступав під ім'ям доктора Мізеса). Проф. фізики Лейпцизького університету (1834-1840); через хворобу і часткову сліпоту, викликану вивченням зорових відчуттів, залишив заняття фізикою і звернувся до філософії. Поділяючи багато в чому вчення Шеллінга, інтерпретував його в дусі панпсихізму (Всесвіт одухотворений, матерія – зворотній бік психічного). Виходячи з принципу суворой, математично обчислювальної залежності між психічними і фізичними явищами, він висунув ідею психофізики як науки про закономірні співвідношення між цими явищами. Праця Фехнера «Елементи психофізики» («Elemente der Psychophysik», 1860) поклала основи експериментальної психології; виведений ним основний психофізичний закон (інтенсивність відчуття пропорційна логарифму інтенсивності подразника) став прикладом застосування точних методів в психології. Один із основоположників експериментальної психології і естетики (так званої естетики «знизу», яка бере свій початок від досвіду й індукції, а не від філософських побудов).

[7] Вундт Вільгельм Максиміліан (1831-1920) – нім. лікар, фізіолог та психолог, засновник експеримент. психології.

[8] Горвиц – нім. філософ і психолог.

[9] Brentano Франц (1838-1917) – австр. філософ і психолог, провісник феноменології та деяких ідей аналіт. філософії

[10] Дюмон Леон (1837-1876) – франц. філософ; спочатку належав до школи Гамільтона, пізніше став рішучим прихильником дарвінізму та теорії еволюції.

[11] Рібо Теодюль Арман (1839-1916) – франц. психолог, педагог, чл. Француз. академії, засновник наукової психології у Франції.

[12] Паулан Фредерік (1856-1931) – франц. філософ. Мав інтерес до філософії і республіканських політичних рухів. У 1877 р. співпрацював у «Філософському огляді» з Рібо. Працював бібліотекарем з 1881 р. Пішов у відставку в 1896 р. і переїхав до Парижа. Тут він продовжував писати, створив колекцію арт-офортів,

малюнків, пастелей та ін. Вступив до Академії моральних і політичних наук в 1902 р. Нагороджений Нагородою Рейна. Його праці мають важливе значення в перебігу французької психології. Серед його книг: «Les caractères» (1894), «Les mensonges du caractère» (1905), «Le mensonge dans l'art» (1907) і «Le mensonge du monde» (1921).

[13] Дельбеф Жозеф (1831-?) – бельг. філософ. В останні роки багато займався гіпно-тизмом, який він вивчав в Парижі, а потім – в Нансі. Твори його відрізняються оригінальністю і талановитим викладом. Найголовніші його праці: «Prolegomènes philosophiques de la geometrie et solution des postulats» (1860); «Essai de logique scientifique» (1865); «De l'origine des effets curatifs de l'hypnotisme» (1887); «L'hypnotisme et la liberte des representations publiques» (1888), «Le magnetisme animal» (Париж, 1889); «Magnetiseurs et medecins» (Париж, 1890); «De l'etendue de l'action curative de l'hypnotisme» (1890) та ін.

[14] Перец (Перес) Бернар (Perez) (1936-?) – франц. письменник-педагог, надрук. «La Psychologie de l'Enfant» (1878-86); «l'Education morale dès le berceau» (1880); «La science de l'enfant» (1881); «Jacotot et sa méthode d'émancipation intellectuelle» (1883); «l'Art et la poésie chez l'enfant» (1888) та ін.

[15] Сицилиани Січіліані П'єтро (1835-1885) – італ. філософ, за освітою лікар, проф. антропології і філософії в Болоньї. Представник критичного та філософського відтінку італ. позитивізму. Разом із Контом допускає телеологію з метафізичними цілями. Стояв за позитивізм як за сучасну міжнародну філософію на противагу філософії національної. Головні твори: «Sul rinnovamento della filosofia positiva in Italia» (Флоренція, 1871), «Della psichogenia moderna» (1879; 3-е вид. 1882), «Socialismo, Darwinismo e sociologia moderna» (Там само. 1879 ; 3-е вид. 1886), «La scienza nell'educazione» (3-е вид. 1884), «Rivoluzione e pedagogia moderna» (Турин, 1882), «La nuova biologia» (Мілан, 1885).

[16] Мантегацца Паоло (1831-1910) – італійський лікар і гігієніст. У 1854 р. отримав ступінь доктора медицини в Павії, а в 1860 році у тому ж місті посів кафедру загальної патології. У 1870 році перейшов на кафедру антропології у Флоренції, з 1876 року був сенатором італійського королівства. Надрукував цілий ряд книг: «Физиология удовольствия», «Физиология любви», «Физиология боли», «Гигиена любви» та ін. Деякі з них передруковані багатьма європейськими мовами, в тому числі й російською, і знайшли широке коло читачів.

[17] Мюллер Йоганн (Muller Johannes Peter, 1801-1858) – нім. фізіолог. Автор концепції про специфічну енергію органів чуття. Зробив спробу пояснення психічних процесів (сприйняття, пам'яті, мислення, сновидінь, темперамента) діяльності головного мозку. У трактуванні просторових відчуттів виходив з положення про те, що вони є природженими, закладеними у властивостях сітчастої оболонки ока. Це вчення є нативізмом, в данному випадку протистойть емпіризму, який відводить головну роль індивідуальному досвіду.

[18] Вебер Макс (1864-1920) – нім. соціолог, економіст та правознавець, один із засновників соціології як науки.

[19] Гельмгольц Герман, фон (1821 – 1894) – нім. фізик, лікар, фізіолог, психолог.

[20] Ріше Шарль (Richet) (1850-1935) – франц. імунолог і фізіолог, член (1914) і президент (з 1933 р.) Паризької АН, іноземний член-кореспондент Петербурзької АН (1912) і АН СРСР (1925). Вперше (1902, спільно з іншими) описав реакцію організму на чужорідний білок, який він назвав анафілаксією. Сформував поняття «пасивний імунітет». Писав праці з фізіології травлення (встановив присутність в шлунковому соці соляної кислоти). Отримав Нобелівську премію (1913).

[21] Боні (Beaunis) Анрі Етьєн (1830-1921) – фізіолог. Завідувач кафедри фізіології медичного факультету Нансійського університету. Основні положення ідей можна знайти в його відомих книгах: «Дослідження по фізіології і психології штучного сну» (1886), «Гіпнотизм. Дослідження фізіологічні і психологічні» (1888), «Гіпнотизм» (1889) та ін. Цікавився Боні головним чином фізіологічною стороною гіпнотичного навіювання. Вивчаючи реакції організму на навіювання в гіпнозі, він виявив фізіологічні і біохімічні зміни, порушення з боку функцій внутрішніх органів, у тому числі серцево-судинної системи, трофіки, обмінних процесів, відділів вегетативної і ендокринної систем. Створив нансійську школу вчення про гіпноз, незабаром здобув блискучу перемогу в науковій суперечці зі школою великого французького невропатолога професора Жана Мартіля Шарко (Jean Charcot).

[22] Ланге Фрідріх Альберт (1828-1875) – нім. філософ та економіст, засновник Марбурзької школи неокантіанства.

3.4. Об изменении в сознании личности

(Variations de la personnalité) [1]

В дополнение к сообщению нашему об интересных опытах врачей рошфорской больницы Буррю и Бюро над истерическим субъектом В.¹, считаем необходимым сказать еще следующее.

В полученной нами на днях январской книжке *Revue philosophique* описаны состояния, в которые удалось привести В., помощью действия магнита и металлов. Первое состояние проявилось физиологически ограниченным параличом и анестезией (нечувствительностью) правой ноги, второе – таким же параличом левых конечностей (руки и ноги). Одновременно с этим изменилась дважды и психическая личность больного. В первом случае он воображал себя снова в Бурге, но в более отдаленный момент времени, чем о котором шла речь прежде (см. упомянутое третье состояние). Во втором, он представлял себе, что находится в Бонневале, когда ему было 17 лет. Воспоминания его оба раза были ограничены краткими периодами предшествующей жизни.

Таким образом, в самочувствии В. удалось вызвать искусственно уже целых восемь изменений, соответствующих различным патологическим состояниям субъекта.

Весьма интересны те общие выводы, к которым приходят по этому поводу экспериментаторы.

Вся жизнь описанного нами истерического больного удачно уподобляется им книге, страницы которой имеют каждая свое особое содержание, независимое от содержания других страниц. Стоит перевернуть какую-либо страницу «книги жизни» больного – и тотчас же появляется новая личность. Единство и преемство явлений жизни обнаруживается только в растительных процессах, и на этой общей органической основе последовательно проходят пред глазами наблюдателя различные индивидуумы, более или менее чуждые друг другу. При этом в теснейшей зависимости друг от друга видоизменяются – чувствительность, подвижность и рассудок субъекта: изменение в одной сфере вызывает параллельный в двух других. Но особенно поразительно, что совершенный переворот в душевной сфере наблюдаемого лица достигается действием извне чисто физических агентов – металлов, магнита.

Нужно ли говорить, что подобные опыты сильно колеблют прежние теории психологов о единстве и простоте силы сознания и самым блестящим образом подтверждают гипотезу единства всех сил природы, т. е. сродства сил так называемых физических и психических. Эта гипотеза в свою очередь неизбежно приводит к той мысли, которую мы проводили

¹ См. № 22 «Од. В.» 24 января (Фельетон «Из мира науки») [2].

недавно в своей публичной лекции «О душе», – что всякая сила есть «в возможности», (*in potentia*), как говорили древние, сознание – сознание «скрытое, напряженное», освобождающееся в виде психических «явлений» лишь при особых условиях среды, в которых действует. Признать же всякую силу за скрытую форму существования «силы сознания» – не значит ли признать «духовность» силы, т. е. отвергнуть ее чисто физические свойства? Чисто физических сил вообще нет в природе согласно такой точке зрения, – все равно как нет и чисто психических проявлений силы духа в нашем опыте. Все психические явления, по сути, материальные проявления силы духа, т. е. по сути явления психофизиологические. Этот факт и объясняет все возрастающее сближение психологии с физиологией; но тот же самый факт опрокидывает и материалистическое понимание силы. Рассматривать сознание, как продукт развития «физической» силы, можно было только до тех пор, пока представлялось возможным отрицать скрытые психические свойства тех или других сил, но как скоро силою магнита или металла изменяется сознание личности, то старый взгляд на физические силы едва ли может далее выдерживать критику.

Мы бы очень желали, чтобы это неизбежное изменение взглядов на силу стало понятно каждому мыслящему человеку, а потому к настоящему вопросу воротимся еще не раз.

Проф. Ник. Грот

(Одес. вестник. – 1886. – 30 янв. (№ 28). – С. 3)

Коментарі до авторського тексту статті:

[1] «Зміни в особистості» (фр.).

[2] Грот Н. Я. Замечательный пример множественности состояний сознания у одного и того же субъекта // Одес. вестн. 1886. 24 янв. (№ 22) (Из мира науки).